

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС
СТАУТ

Золотые
пауки

« И Н О С Т Р А Н К А »

Рекс Стаут
Золотые пауки

Глава 1

Обычно если в дверь нашего старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице звонят, когда мы с Ниро Вулфом обедаем, то дверь открывает Фриц. Но в тот вечер я пошел к двери сам, так как Фриц пребывал в дурном расположении духа и не смог бы как полагается встретить посетителя, кем бы тот ни был.

Настроение Фрица нуждается в пояснении. Ежегодно, в середине мая, фермер из-под Брустера по особой договоренности с Ниро Вулфом сует в мешок восемнадцать или двадцать только что подстреленных им скворцов, садится в машину и едет в Нью-Йорк. Разумеется, дичь должна быть доставлена к нам не позже чем через два часа после охоты. Фриц ощипывает ее, подсаливает, в нужный миг, ни раньше ни позже, поливает растопленным маслом, заворачивает в листья шалфея, запекает на рашпере и укладывает на подогретое блюдо с густой полентой, сваренной из мельчайшей кукурузной муки с маслом, тертым сыром, солью и перцем.

Вулф всегда с нетерпением ожидает это дорогое лакомство, но в день, о котором я рассказываю, он устроил целое представление. Когда Фриц поставил дымящееся блюдо на стол, Вулф пошмыгал носом, наклонил голову набок, засопел и уставился на Фрица:

– А шалфей?

– Нет, сэр.

– То есть как это «нет»?

– Я подумал, вам понравится, если я разок приготовлю это блюдо по-своему, с шафраном и эстрагоном. Пучок свежего эстрагона и немного шафрана. Именно так готовят соус в...

– Убери!

Фриц окаменел и поджал губы.

– Ты со мной не посоветовался, – холодно сказал Вулф. – Это неприятная неожиданность, что одно из моих любимейших блюд

приготовлено иначе, чем я привык. Может быть, оно и съедобно, но я не склонен рисковать. Убери его и принеси мне четыре яйца всмятку и тосты.

Фриц знал характер Вулфа не хуже меня и понимал, что от подобной вспышки Вулф пострадает куда больше, чем он, и поэтому молча убрал блюдо со стола. Но тут вмешался я:

– Позвольте, я отведаю немного. Если, конечно, этот запах не помешает вам насладиться яйцами всмятку?

Вулф ожег меня свирепым взглядом.

Вот почему у Фрица в тот день было плохое настроение и я пошел отпирать дверь сам. Когда раздался звонок, Вулф уже покончил с яйцами и с обиженным видом пил кофе, а я уплетал за обе щеки вторую порцию скворцов с полентой; вкус был – пальчики оближешь! Я не стал зажигать свет в прихожей, так как на улице было еще достаточно светло. Увидев сквозь одностороннее стекло посетителя на крыльце, я сразу же понял, что он не принесет нам богатства.

Распахнув дверь настежь, я вежливо произнес:

– По-видимому, вы ошиблись номером дома.

Я всегда придерживаюсь политики мирного сосуществования с соседскими мальчишками. Это облегчает жизнь, так как на нашей улице, как и повсюду, процветают футбол, бейсбол и прочие игры.

– Ничего подобного, – отозвался визитер слабым нервным альтиком, не слишком грубым. – Я вас знаю. Вы Арчи Гудвин. А мне нужно видеть Ниро Вулфа.

– Как вас звать?

– Пит.

– А дальше?

– Дроссос. Пит Дроссос.

– Что же вам нужно от мистера Вулфа?

– Ну, это уж я сам скажу ему. У меня к нему дело.

Это был щедушный юнец с черными волосами, которые нуждались в стрижке, и с острыми черными глазами. Его голова едва

доставала до узла моего галстука. Я встречал его на нашей улице и ничего не имел ни за, ни против него. Сейчас задача заключалась в том, чтобы без шума спровадить парнишку, и в другое время я бы так и сделал, но после мальчишеской выходки Вулфа решил, что ему будет полезно познакомиться с другим мальчишкой. Пусть поиграют вместе. Вулф, конечно, взбесится, но я считал, что в нужный миг успею вмешаться и спасти Пита от растерзания, поэтому пригласил его зайти и провел в столовую.

Вулф наливал себе вторую чашку кофе. Он метнул взгляд на Пита, который, должен признать, не был одет приличествующим для аудиенции образом, поставил кофейник и уставился на меня:

– Арчи, я не терплю, когда мне мешают во время еды!

– Знаю, – сочувственно закивал я, – но разве это еда? Неужели яйца всмятку могут считаться для вас едой? Позвольте представить вам мистера Пита Дроссоса. Он хочет посоветоваться с вами по поводу одного дела. Я собрался было сказать ему, что вы заняты, но вспомнил, как вы рассердились на Фрица из-за того, что он не посоветовался с вами, и решил оградить Пита от вашего гнева. Он наш сосед, а сами помните: «Возлюби соседа своего, яко самого себя».

Дразнить Вулфа рискованно. Взрыв его страстей может потрясти вселенную, но, если взрыва не произошло мгновенно, можете считать себя победителем. На этот раз Вулф сдержался, не спеша отпил кофе, потом вежливо обратился к посетителю:

– Присаживайтесь, мистер Дроссос.

– Я не «мистер». Я просто Пит.

– Хорошо, Пит, садитесь. Лицом ко мне, пожалуйста. Благодарю вас. Вы хотите посоветоваться со мной?

– Да. У меня есть дело.

– Я всегда приветствую дела, но, к сожалению, сегодня не очень удобное время для дел, так как мистер Гудвин собрался на финал бильярдного турнира. Теперь, конечно, ему придется остаться, чтобы

записывать все, что расскажете вы, и все, что скажу я. Арчи, приготовь, пожалуйста, блокнот.

Я уже говорил, что дразнить Вулфа рискованно. Здорово он мне отомстил. Я поплелся в кабинет за блокнотом, а когда вернулся, Фриц уже принес мне кофе, а Питу бутылку кока-колы с печеньем. Я не проронил ни слова. Стенографирую я почти механически. На это уходит одна пятая моего мозга, так что остальные четыре пятых могли поразмышлять над тем, как выкрутиться из создавшейся ситуации.

– А это ничего, что он будет записывать? – нарушил молчание Пит. – Я не хочу, чтобы об этом повсюду трепались.

– Если вы имеете в виду конфиденциальность беседы, то можете на меня положиться.

– Тогда ладно. Я знаю, есть такие сыщики, которым нельзя доверять, но вы совсем другое дело. Мы про вас все знаем. Я знаю, что вы на дух не переносите копов, как и я сам. Поэтому вам я все выложу.

– Благодарю вас. Я к вашим услугам.

– Ладно. Сколько сейчас времени?

При этом обороте речи Вулф поморщился, а я взглянул на часы:

– Без десяти восемь.

– Значит, это случилось час назад. Иногда многое зависит от точного времени, поэтому я тут же побежал на угол в аптеку и посмотрел на часы. Было ровно шесть сорок пять. У меня небольшой бизнес на углу Тридцать пятой улицы и Девятой авеню, и тут как раз подъехал «кадди».

– Какой бизнес, если позволите узнать?

– Ну, когда под светофором останавливается машина, я тут как тут: подбегаю, начинаю протирать стекла, и если за рулем мужчина, то дайм, считайте, уже у меня в кармане, а то и больше. Если же за рулем женщина, то еще неизвестно, раскошелится ли она. Приходится идти на риск. Так вот, останавливается «кадди»...

– Кто это такой?

По выражению лица Пита можно было понять, что он засомневался, к тому ли частному сыщику обратился. Тут вмешался я. Пусть знает, что хотя бы один из нас не слабоумный.

– «Кадди» – это «кадиллак», – пояснил я Вулфу. – Марка автомобиля.

– Понятно. Итак, подошла машина...

– Да. И остановилась под красным светом. Я принялся за стекло – прямо напротив лица водителя. Это оказалась женщина. Она посмотрела на меня в упор и что-то сказала. Кажется, она не произнесла ни звука или я просто не услышал сквозь поднятое боковое стекло, но она так шевелила губами, что я понял ее. Она сказала: «Помоги! Позови полицию!» Вот так, смотрите.

Он беззвучно повторил эти слова, энергично шевеля губами. Вулф одобрительно кивнул и обернулся ко мне:

– Арчи, зарисуй артикуляцию губ Пита.

– Непременно, – услужливо отозвался я. – После того, как вы отойдете ко сну.

– Это было яснее ясного, – продолжал Пит, не обращая внимания на нашу грызню. – «Помоги! Позови полицию!» Меня словно током ударило, честное слово. Я старался не показать виду, что понял. Мне подумалось, так будет лучше, но, наверное, не сумел, так как мужчина посмотрел на меня и...

– Где был мужчина?

– Рядом с ней. Кроме них, в машине никого не было. Наверное, по моему лицу он понял, что меня что-то удивило, так как еще сильнее надавил ей в бок пушкой. Она аж дернулась...

– Вы видели пистолет?

– Нет, но я же не простофиля. С какой стати ей звать на помощь копов и почему она так дернулась? Уж не думаете ли вы, что он ткнул ее самопиской?

– Предпочитаю пистолет. Дальше.

– Я отступил на шаг. Ведь у меня в руке была тряпка, а у него пушка. Теперь дальше... Только поймите меня правильно: копов я на

дух не выношу. Как и вы... Но все произошло так быстро, что я, сам не сознавая, что делаю, стал оглядываться в поисках копа. Никого. Тогда я побежал, чтобы посмотреть за углом, но тут как раз дали зеленый, и «кадди» рванул с места. Я пытался задержать какую-нибудь машину, чтобы поехать следом, но никто не остановился. Я подумал, что успею нагнать их у Восьмой авеню, и со всех ног бросился по Тридцать пятой улице, но у Восьмой авеню тоже зажегся зеленый, так что «кадди» даже не притормозил... Но я успел запомнить номер. – Он сунул руку в карман штанов, выудил клочок бумажки и прочитал: – «Коннектикут. Уай-Уай девять-четыре-три-два».

– Отлично. – Вулф поставил пустую чашку на блюде. – Вы сообщили этот номер полиции?

– Я?! – Пит подскочил как ужаленный. – Копам? Вы что, за психа меня держите? Чтобы я пошел в участок и выложил все какому-то паршивому сержанту? Да ни за какие коврижки! Во-первых, мне не поверили бы, стали бы придирааться, да еще потом взяли бы на заметку. Вам-то все равно, вы признанный сыщик с лицензией и умеете обращаться с ихним братом.

– Вы так считаете?

– Еще бы, это как пить дать! У нас все говорят, что вы знаете за ними кучу грязных делишек, вот они вас и боятся, иначе давно бы в порошок стерли. Ну а мне рисковать нельзя, хоть я и чист как стеклышко. Ненавижу копов, но для этого вовсе не обязательно быть жуликом. Я все твержу матери, что я чист, за мной и вправду никаких особых грешков не водится, но должен вам сказать, что непросто оставаться честным в наше время. Ну ладно, что вы все-таки думаете о том, что я вам рассказал?

Вулф ответил не сразу:

– Мне кажется, что описанный вами случай... несколько туманен.

– Точно! Вот почему я к вам и пришел. Я все продумал и понял, что дельце может сулить выгоду, если за него взяться с умом. «Кадди» этот темно-серый, пятьдесят второго года выпуска. А

мужчина тот, хоть с виду казался гадом, точно говорю вам, мог бы запросто купить еще три таких. Как, впрочем, и женщина. Она не так стара, как моя мать, хотя точно утверждать не берусь, потому что моя мать делает всякую грязную и тяжелую работу, а эта, бьюсь об заклад, никогда не работала. И хоть на левой щеке у нее царапина, а лицо было искажено от страха, когда она говорила: «Помоги! Позови полицию!», подумав, я решил, что она красивая. И еще на ней были большие золотые серьги в виде пауков с растопыренными лапками. Чистого золота.

Вулф хмыкнул.

– Ну ладно, – уступил Пит, – как золотые... Хотя точно не медные. В общем, весь вид говорил о том, что у них денег куры не клюют, и я рассудил так: люди денежные, тут можно хоть немного заработать. А то и полсотни отхватить, если правильно действовать. Ведь если он ее убьет, я сумею опознать его и получу награду. Я могу рассказать, что она мне сказала и как он ткнул ей в бок пушкой...

– Вы не видели пистолета.

– Это не важно. Если он ее не убил, а только вынудил что-то сделать, или сказать, или дать что-нибудь, я могу явиться к нему и, если он не выложит мне полсотни, а то и сотню, пригрожу рассказать обо всем кому следует.

– Это называется шантаж.

– Ну и пусть. – Пит стряхнул крошки печенья с пальцев на поднос. – Я все обдумал и решил встретиться с вами. В одиночку я с этим не управлюсь, вот и подумал подключить вас. Только не забудьте, что в этом деле главный я. Если думаете, что я по дурости назвал вам номер машины до того, как мы уговорились об условиях, то это не так. Я не такой уж безмозглый. Если даже вы припрете его к стенке, вам все равно без меня не обойтись, ведь только я могу опознать его, поэтому все зависит от меня. Теперь вы понимаете, что я не дурак? Ну как, договоримся? Предлагаю поделиться поровну. Идет?

– Позвольте вам сказать, Пит, – Вулф отодвинул кресло назад и устроился поудобнее, – если нам с вами предстоит действовать сообща, то, мне думается, я должен рассказать вам кое-что о науке и об искусстве проведения расследования. Мистер Гудвин, конечно, запишет все это, потом отпечатает и даст вам экземпляр. Но сначала он должен позвонить. Арчи, ты запомнил номер машины? Позвони в приемную мистера Кремера и продиктуй этот номер. Скажи, что, по твоим сведениям, эта машина, или ее владелец, или водитель имеют отношение к преступлению, которое, возможно, произошло в нашем городе в последние два часа. Предложи им проверить машину в обычном порядке. В подробности не вдавайся. Скажи, что эти сведения пока не подтверждены и что справки следует наводить с осторожностью.

– Послушайте! – не сдержался Пит. – А кто такой этот Кремер? Не коп ли?

– Инспектор полиции, – ответил Вулф. – Вы же сами предположили, что могло случиться убийство. Там, где убийство, там должен быть и труп. Если есть труп, то его следует отыскать. Пока он не найден, братья за дело бессмысленно. Мы с вами не знаем, где его искать, а потому подкинем эту задачку полиции. Я часто использую полицию таким образом. Арчи, ты, конечно, не станешь упоминать имени Пита, поскольку он не хочет, чтобы его взяли на заметку.

Я удалился в кабинет и уселся за свой стол. Набирая номер телефона уголовной полиции Западного Манхэттена, я размышлял над тем, что из тысячи приемов, к которым прибегает Вулф, чтобы сделать себя вконец несносным, наихудший обычно тот, который сам Вулф считает остроумным. Когда, переговорив с Пэрли Стеббинсом, я повесил трубку, мне страшно захотелось незаметно улизнуть из дому, чтобы посмотреть, как Москони и Уотраус орудуют киями, но, конечно, этого нельзя было сделать, поскольку Вулф воспримет мой уход за свою победу, быстренько выпроводит Пита и с самодовольной ухмылкой уединится с книжкой. Поэтому я вернулся

в столовую, сел на место, приготовил блокнот, авторучку и бодрым тоном произнес:

– Все в порядке, они извещены. Давайте выпаливайте вашу лекцию об искусстве сыска, только ничего не упускайте.

Вулф откинулся назад, оперся о подлокотники кресла и соединил кончики пальцев:

– Вы, конечно, понимаете, Пит, что я ограничу свой рассказ проблемами и методами работы частного детектива, который зарабатывает на жизнь своей профессией.

– Угу, – отозвался тот, принимаясь за вторую бутылку кока-колы. – Я и хочу узнать, как можно поднажиться.

– Я заметил у вас стремление к обогащению. Но вы не должны позволять этому стремлению заглушать другие соображения. Конечно, желательно получать свой гонорар, но весьма существенно знать, что вы действительно заработали его, а это во многом зависит от вашего эго. Если ваше эго жизнеспособно и отличается стойкостью, у вас редко будут трудности...

– А что это такое – мое эго?

– Существует несколько определений этого слова – философское, метафизическое, психологическое, а в наше время еще и психоаналитическое, но в том смысле, в котором употребляю его я, оно означает возможность поддерживать все, что возвышает ваше мнение о самом себе, и глушить все, что его принижает. Вам ясно?

– Вроде бы ясно. – Пит сосредоточенно сдвинул брови. – Это значит, довольны вы собой или нет?

– Не совсем точно, но достаточно близко к истине. При здоровом эго ваши чувства...

– Что значит – здоровое эго?

Вулф скривил губы:

– Я буду стараться прибегать к словам, которые вы должны знать, но, если какое-нибудь слово будет вам непонятно, прошу вас не перебивать меня. Если вы достаточно сообразительны, чтобы стать хорошим детективом, то должны быть и достаточно сообразительны,

чтобы понять значение нового для вас слова по контексту, иначе говоря, по тем словам, которые окружают незнакомое слово. Обычно это бывает нетрудно. Сколько вам лет?

– Двенадцать.

– Тогда я должен сделать для вас скидку. Итак, продолжим. Никогда не принимайте гонорар, который, по вашему мнению, вы не заработали, иначе ваша совесть будет запятнана и ваше эго пострадает. В остальных случаях получайте все, что возможно. Как не следует принимать гонорар, который вы не считаете заработанным, так же в обязательном порядке следует брать гонорар, который вы считаете заслуженным. Никогда не вступайте в переговоры с будущим клиентом, не узнав о его платежеспособности. Настолько...

– Но тогда почему... – вырвалось у Пита, однако он тут же осекся.

– Что – почему?

– Ничего... Вот вы ведете переговоры со мной, а я...

– Это особый случай. Вас привел ко мне мистер Гудвин, а он является моим доверенным и высоко ценимым помощником и был бы огорчен, если бы я не отнесся к вам внимательно и не дал бы ему возможности записать и перепечатать нашу беседу. – Вулф одарил меня лицемерным взглядом и вновь обернулся к Питу. – Это по поводу вашего эго и гонораров. Что же касается методов, то они, конечно, должны соответствовать вашему полю деятельности. Я не говорю о такой сфере деятельности, как промышленный шпионаж, бракоразводные процессы и тому подобные нечистоплотные вмешательства в чужие дела. Эго человека, занимающегося подобного рода деятельностью, подточено червями, так что это не для вас. Возьмем, к примеру, кражу. Предположим, что украден ларец с драгоценностями, но его владелица не желает обращаться в полицию, так как подозревает в краже...

– Лучше давайте возьмем убийство. Мне бы хотелось начать с убийства.

– Как пожелаете. – Вулф был предельно милостив. – Ты записываешь, Арчи?

– Еще бы! С высунутым языком.

– Хорошо. Кража или убийство, в данном случае это не имеет значения, но вы в первую очередь должны помнить, что являетесь представителем искусства, а не науки. Роль науки в раскрытии преступления бывает значительной и эффективной, но она занимает лишь небольшое место в деятельности частного детектива, который стоит выше науки. Любой человек средних способностей может научиться обращению с кронциркулем, фотоаппаратом, микроскопом, спектрографом или центрифугой, но он просто-напросто является слугой следствия. Научное расследование, каким бы оно ни было выдающимся, даже блестящим, никогда не может сравниться с внезапным озарением, приходящим к детективу и иногда вызванным лишь услышанной интонацией или замеченным мимолетным взглядом...

– Вы имеете в виду интонацию вообще или какую-то определенную?

– Ни то ни другое, – соврал Вулф и повернулся к Питу. – Искусство детектива очень многообразно. К примеру, наружная слежка в Нью-Йорке чрезвычайно трудна. Когда полиция занимается ею всерьез, то командирует не меньше трех агентов, и даже при этом они зачастую оказываются с носом. Но есть один человек – он часто помогает мне в работе, его зовут Сол Пензер, – который просто гений слежки, хотя работает в одиночку. Я беседовал с ним по этому поводу и пришел к заключению, что он и сам не знает секрета своего высочайшего мастерства. Это несознательная и неконтролируемая работа мозга, хотя мистер Пензер – человек незаурядного ума. Это некое качество, скрытое в недрах его нервной системы, скорее всего, конечно, в черепной коробке. Он говорит, что каким-то чутьем в неуловимую долю секунды вдруг осознает, как поступит в тот или иной миг объект его слежки. Не то, что тот сделал и делает, а именно то, как он еще лишь намерен

поступить. Мистер Пензер может научить вас всему, что знает и умеет сам, но вы никогда не достигнете его уровня, если в вас не заложены те же самые качества. Однако это вовсе не означает, что вы не должны учиться у него всему, чему можете выучиться. Лишние знания никогда не помешают. Человек, который считает, что знает все, в действительности не знает ничего. Только когда вы попытаетесь воспользоваться тем, чему научились, вы поймете, в какой степени можете превратить свои знания в действия. – Вулф ткнул в меня пальцем. – Вот, скажем, мистер Гудвин. Мне было бы чрезвычайно трудно работать без него. Он незаменим. Однако его поведение зачастую зависит от мимолетных прихотей и капризов, что, конечно, делало бы его неспособным для выполнения любого важного задания, не будь у него где-то запрятан – возможно, в черепной коробке, хотя я в этом сомневаюсь, – мощный регулятор. Например, при виде миловидной девушки у него возникает непреодолимая тяга к ней, однако он никогда не был женат. Почему? Потому что он знает: если женится, то его реакция на хорошеньких девушек, чистая и искренняя в настоящее время, будет не только безнадежно испорчена, но и окажется под надзором верховной власти, которая станет ограничивать эту реакцию. Так что самоконтроль, своего рода регулятор, спасает его от бедствия, правда иногда на самом краю пропасти. То же самое происходит с большинством его прихотей и причуд, но случается, что регулятор самоконтроля не срабатывает вовремя и он терпит неудачу, как сегодня, когда его потянуло поддразнить меня, в результате чего он лишился возможности пойти... Арчи, который час?

Я посмотрел на часы:

– Без восемнадцати девять.

– Ого! – вскочил Пит. – Мне пора! Я обещал матери вернуться без четверти! До завтра!

Он бросился из комнаты. Пока я поднялся и вышел в прихожую, Пит уже отпер входную дверь и убежал. Я остановился на пороге в столовую.

– Проклятье! Я надеялся, что он просидит до полуночи, чтобы вы успели закончить вашу лекцию, – сказал я Вулфу. – А теперь бильярдный турнир не доставит мне никакого удовольствия, хотя я все равно пойду на него.

И был таков.

Глава 2

На следующий день, в среду, я был довольно занят. Владелец фабрики скобяных изделий в Янгстауне, штат Огайо, приехал в Нью-Йорк в поисках своего исчезнувшего отпрыска, предварительно прислав Вулфу слезную телеграмму с мольбой о помощи. Мы призвали Сола Пензера, Фреда Даркина и Орри Кэтера, и они принялись за дело. Я не мог отойти от телефона, принимая их донесения и отдавая распоряжения.

В начале пятого нагрянул Пит Дроссос и изъявил желание повидать Вулфа. Судя по его поведению, он воздавал мне должное как частному сыщику с лицензией, но вести дела явно предпочитал с моим шефом. Я объяснил, что Ниро Вулф ежедневно проводит четыре часа – утром с девяти до одиннадцати и днем с четырех до шести – со своими десятью тысячами орхидей, терзая в эти часы Теодора Хорстмана, а не меня, и что в это время он практически недоступен. Пит изложил мне свою точку зрения, которая сводилась к тому, что более дурацкого времяпрепровождения для детектива и не выдумаешь, и я не пытался его разуверить. Когда мне наконец удалось выдворить Пита на крыльцо и запереть дверь, я уже готов был признать, что Вулф нуждается в капельке милосердия. Худшего надоедалы, чем Пит, я еще не встречал, и он явно не собирался оставить нас в покое. Мне следовало сдержать свой порыв и не навязывать этого юнца в качестве партнера для игр с Вулфом. Обычно, когда я осознаю, что занимаюсь самоедством, мне помогает выпивка, так что я пошел на кухню и пропустил стаканчик молока. Когда я вернулся в кабинет, зазвонил телефон – Орри Кэтер докладывал об успехах.

За обедом ни Вулф, ни Фриц и виду не показывали, что вчера между ними произошла размолвка. Накладывая себе вторую порцию блинов со свиной по-датски, Вулф отчетливо пробурчал: «Вполне приемлемо» – оценка в его устах чрезвычайно щедрая.

Фриц воспринял ее как должное и, с достоинством наклонив голову, прошептал: «Благодарю, сэр». Так что, когда мы покончили с кофе, небо уже очистилось от грозовых туч и Вулф был так любезен, что даже пригласил меня спуститься с ним в бильярдную и продемонстрировать знаменитый удар Москони, о котором я ему рассказывал.

Но мне не довелось исполнить его просьбу. Когда мы вставали из-за стола, в дверь позвонили. Я, естественно, подумал, что это Пит, но ошибся. Посетитель был вдвое крупнее Пита и куда более знаком мне – сержант Пэрли Стеббинс из уголовной полиции Западного Манхэттена собственной персоной. Вулф проследовал в кабинет, и я открыл дверь.

– Они побежали туда, – сказал я сержанту, ткнув большим пальцем в сторону.

– Не паясничай, Гудвин. Я хочу видеть Вулфа. И тебя.

– Вот он я. Выпаливайте.

– И Вулфа.

– Он занят перевариванием блинов со свиной по-датски. Подождите.

Я прошел в кабинет, доложил, что Стеббинс просит аудиенции, терпеливо дождался, пока Вулф не закончит гримасничать, получил распоряжение ввести посетителя, вернулся в прихожую и выполнил приказание шефа.

За многие годы установился ритуал посещения сержантом Стеббинсом кабинета Вулфа. Если он приходил вместе с инспектором Кремером, то большое красное кожаное кресло перед столом Вулфа занимал, конечно, инспектор, а Пэрли довольствовался желтым, поменьше. И даже когда он являлся один, то, как я ни пытался усадить его в красное кожаное кресло, мне это не удавалось. Он всегда выбирал желтое. Не потому, что считал, будто сержант не должен занимать место своего начальника, вовсе нет, вы просто не знаете Пэрли. По-видимому, причина тут была

иная. То ли он не хотел сидеть лицом к окну, то ли просто не выносил красного цвета. Когда-нибудь я спрошу его об этом.

В тот день он, как обычно, пристроился в желтом кресле, несколько секунд разглядывал Вулфа, затем повернул шею, чтобы оказаться ко мне лицом.

– Вчера вы звонили относительно машины – темно-серого «кадиллака» пятьдесят второго года с номером «Коннектикут. Уай-Уай девять-четыре-три-два». По какому поводу?

– Я же вам говорил, – пожал я плечами. – Мы получили непроверенную информацию, что владелец этой машины или ее водитель могут оказаться замешанными в какое-либо противозаконное деяние. Я предложил вам проследить за ней в обычном порядке.

– Знаю. Какова была эта информация и от кого вы ее получили?

Я покачал головой:

– Вы спрашивали об этом вчера, и я оставил ваш вопрос без ответа. То же самое будет и сегодня. Наш информатор желает, чтобы его не тревожили.

– Его все равно придется потревожить. Кто он и что он вам рассказал?

– Ничем не могу помочь, – развел я руками. – Что за отвратительная привычка считать, будто по первому вашему требованию я обязан докладывать кто, что и почему! Сначала расскажите, что случилось, и тогда посмотрим, захочу ли я отвечать на ваши вопросы. Согласитесь, это разумно.

– Да, конечно. – Пэрли пожевал губами. – Сегодня в шесть сорок вечера, то есть два часа тому назад, под красным светом на перекрестке Тридцать пятой улицы и Девятой авеню остановилась машина. К ней подбежал мальчишка и принялся протирать стекла. Покончив со стеклом на одной стороне, он собрался перейти на другую, и когда оказался перед машиной, она внезапно рванулась с места, сбила его и умчалась. «Скорая помощь» доставила пострадавшего в больницу, где он скончался. Машину вел мужчина.

Он был один. В таких случаях люди от волнения никогда ничего не запоминают, но тут сразу двое, женщина и юноша, назвали один и тот же номер – «Коннектикут. Уай-Уай девять-четыре-три-два», а юноша, кроме того, запомнил, что это был «кадиллак» темно-серого цвета.

– Как зовут мальчика? Того, которого сбили?

– А какая вам разница?

– Просто так. Интересно.

– Дроссос. Пит Дроссос.

– Дьявольщина! Мерзавец!

– Кто? Мальчишка?

– Нет. – Я обернулся к Вулфу. – Вы будете говорить или я?

Вулф прикрыл глаза. Через некоторое время он открыл их, сказал: «Ты» – и снова закрыл.

Я не считал нужным сообщать Стеббинсу о событиях вчерашнего вечера, которые спровоцировали меня отвести Пита к Вулфу, но в остальном рассказал все, что относилось к делу, включая и второй визит Пита. Пожалуй, впервые в жизни Стеббинс поверил в полученные от нас сведения, задал кучу вопросов, но в конце все же счел уместным высказать замечание относительно двух достойных граждан – Ниро Вулфа и Арчи Гудвина, которым следовало бы проявить несколько больший интерес к тому факту, что женщина, которой тычут пистолетом под ребра, просит помощи полиции.

Я был не в том настроении, чтобы спорить с ним.

– Такие типы, как вы, – все же заявил я, – не украшают нашу полицию. Мальчик мог все выдумать. Он признал, что не видел пистолета. Возможно, женщина просто хотела подшутить над ним. Если бы вчера я сказал вам, откуда мы получили информацию, вы бы решили, что я слишком расточителен, если ради нее потратил десять центов на телефонный звонок. Однако я назвал вам номер машины. Вы проверили его?

– Да. Этот номер был снят с «плимута», украденного в Хартфорде два месяца назад.

– Никаких следов?

– Пока никаких. Мы связались с Коннектикутом, чтобы там навели справки. Не знаю точно, сколько машин с украденными номерными знаками ходит сейчас по Нью-Йорку, но, должно быть, очень много.

– Подробное ли описание человека за рулем вы получили?

– У нас имеются четыре показания, и все разные. Три вообще не стоят и гроша, а четвертое, одного человека, который вышел из аптеки в тот самый миг, когда мальчишка с тряпкой подбежал к машине, представляет интерес. По словам свидетеля, водителю лет сорок, он в темно-коричневом костюме, худощавый, с правильными чертами лица, в фетровой шляпе, натянутой почти на уши. Свидетель уверяет, что мог бы опознать его. – Пэрли поднялся. – Мне пора. Признаюсь, я разочарован. Я надеялся получить от вас путеводную нить или хотя бы узнать, что вы покрываете клиента...

Вулф раскрыл глаза:

– Желаю вам удачи, мистер Стеббинс. Этот мальчик вчера вечером был гостем за моим столом.

– М-да, это и вовсе ужасно... – прорычал Стеббинс. – Кто только им дал право давить мальчиков, которые ели за вашим столом?!

С этими учтивыми словами он вышел, и я последовал за ним в прихожую. Только я взялся за ручку двери, как увидел незнакомую женщину, поднимавшуюся на крыльцо. Когда я отворил дверь, гостя стояла уже там. Это была очень худая, маленького роста женщина в скромном темно-синем платье, без жакета и шляпы, с припухшими покрасневшими глазами и так крепко сжатыми губами, что казалось, их у нее вообще нет.

– Чем могу служить? – спросил я, пытаясь заслонить ее от Стеббинса.

– Здесь живет мистер Вулф? – с трудом выдавила она, и я ответил утвердительно. – Могу ли я повидать его? На одну минутку. Меня зовут Антея Дроссос.

Очевидно, она много плакала и могла вот-вот вновь разрыдаться, а для Ниро Вулфа не было ничего хуже женских слез. Поэтому я

сказал, что являюсь его доверенным помощником, и спросил, не расскажет ли она мне, в чем дело.

Она подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза:

– Мой мальчик Пит велел мне повидать мистера Ниро Вулфа, и я подожду здесь, пока мистер Вулф не освободится.

Она оперлась спиной о поручни крыльца.

Я отступил назад и прикрыл дверь. Стеббинс последовал за мной по пятам в кабинет.

– Миссис Антея Дроссос желает вас видеть, – обратился я к Вулфу. – Говорит, что так велел ее сын Пит. Она простоит на крыльце всю ночь, если придется. Она может зарыдать в вашем присутствии...

Это сразу заставило Вулфа раскрыть глаза.

– Проклятье! Что я могу сделать для этой женщины?

– Ничего. Так же как и я. Но от меня она не примет даже отказа.

– Тогда какого же дьявола! Пф!.. Это все результат твоих вчерашних выходок... Пригласи ее.

Я вышел и распахнул дверь перед миссис Дроссос. Стеббинс уже занял свое место в желтом кресле. Поддерживая женщину под локоть, поскольку она не вполне твердо держалась на ногах, я провел ее к красному кожаному креслу, в котором могли бы уместиться три таких, как она. Она присела на краешек и черными, казавшимися особенно черными из-за контраста с воспаленными веками глазами вперилась в Вулфа. Голос у нее дрожал.

– Вы мистер Ниро Вулф?

Он признался в этом. Она перевела взгляд на меня, затем на Стеббинса и снова посмотрела на Вулфа:

– А эти люди?

– Мистер Гудвин – мой помощник, а мистер Стеббинс из полиции, он расследует гибель вашего сына.

– Я так сразу и подумала, – кивнула она. – Мой мальчик не хотел бы, чтобы я разговаривала с копами.

Судя по ее тону, было совершенно очевидно, что она не сделает ничего такого, чего не хотел бы ее сын, поэтому мы оказались в

затруднении. При подозрительности и недоверчивости Стеббинса нечего было и думать о том, что он по доброй воле покинет кабинет, но вдруг он поднялся с кресла и со словами: «Я пойду на кухню» – двинулся к двери. Мое изумление продолжалось недолго – полсекунды спустя я уже раскусил его намерения. В конце коридора, напротив кухни, в стене имелась небольшая ниша. В стене, отделяющей нишу от кабинета, было проделано отверстие. Со стороны кабинета оно было замаскировано хитроумной картиной с видом водопада, а с другой стороны закрывалось задвижкой. Через отверстие можно было видеть, что происходит в кабинете, и все слышать. Пэрли знал об этом.

Когда он вышел, я решил, что нужно предупредить Вулфа.

– Картина, – сказал я.

– Что же еще, – раздраженно буркнул Вулф и обернулся к миссис Дроссос. – Слушаю вас, мадам.

Но она ничему не желала верить. Она поднялась, подошла к двери, сунула голову в прихожую, посмотрела по сторонам и только затем, закрыв дверь, вернулась на свое место.

– Вы знаете, что Пита убили?

– Да.

– Когда мне сказали, я выбежала на улицу, и там он лежал... Без сознания, но еще живой... Мне позволили поехать вместе с ним в машине «скорой помощи». Вот тогда он и сказал мне...

Она умолкла. Я испугался, что она разрыдается, но женщина, посидев с полминуты в оцепенении, переборола себя и смогла продолжать.

– Он открыл глаза и увидел меня. Тогда я наклонилась к нему поближе. Он сказал... Я, пожалуй, повторю вам, что он сказал... «Передай Ниро Вулфу, – сказал он, – что со мной все-таки рассчитались... Никому не говори этого, кроме мистера Вулфа. И отдай ему мои деньги из жестянки». – Она замолчала и снова оцепенела.

Минуту спустя Вулф не выдержал:

– Я вас слушаю, миссис Дроссос.

Она открыла видавшую лучшие времена кожаную сумочку, покопалась в ней, достала небольшой бумажный сверток и встала, чтобы положить его на стол перед Вулфом.

– Здесь четыре доллара и тридцать центов. – Она продолжала стоять. – Пит заработал их сам и хранил в табакерке. Он велел отдать эти деньги вам и больше ничего не сказал... Потерял сознание и умер... Ему так и не сумели помочь в больнице. Я вернулась домой, чтобы забрать деньги и отнести вам. Теперь я могу уйти. – Она шагнула к двери, потом остановилась и обернулась к Вулфу. – Вы поняли, что я вам сказала?

– Да, понял.

– Я должна еще что-нибудь сделать?

– Нет, ничего. Арчи...

Я уже был возле нее. Выглядела она, правда, уже чуть получше, но я все же поддержал ее под локоть, помог выйти на крыльцо и спуститься на семь ступенек к тротуару. Она не поблагодарила меня, по-видимому, даже не заметила, в чем я ее, впрочем, не виню.

Когда я вернулся в прихожую, Пэрли уже надевал шляпу.

– Вы не забыли закрыть задвижку? – поинтересовался я.

– Отбирать конфеты у ребенка, этого я еще мог от вас ожидать, – возмущенно напустился он, – но отбирать конфеты у мертвого ребенка... Бог мой!

Он двинулся к двери, но я преградил ему дорогу:

– Послушайте, умник! Если бы мы стали настаивать на том, чтобы она забрала эти деньги, она бы... – Я осекся, заметив его торжествующую ухмылку.

– Наконец-то я тебя поймал! – проквокал он и вышел, отстранив меня.

Я вернулся в кабинет, кусая себе ногти от досады. Не часто Пэрли Стеббинсу удастся уязвить меня, но в тот день он вывел меня из равновесия, затронув мои лучшие чувства. Естественно, я постарался выместить свою злость на Ниро Вулфе. Я подошел к его столу, взял

сверток, развернул и аккуратно разложил содержимое перед шефом: две долларовые бумажки, четыре четвертака, девять даймов и восемь никелей.

– Совершенно точно, – объявил я. – Четыре доллара и тридцать центов. Искренние поздравления. После уплаты подоходного налога и за вычетом расходов в размере десяти центов – за вчерашний телефонный звонок Стеббинсу – у вас останется достаточно для того...

– Заткнись! – прорычал он. – Завтра же вернешь ей эти деньги.

– Нет. Ни завтра, ни послезавтра, никогда. Вы чертовски хорошо знаете, что это невозможно.

– Внеси их в фонд Красного Креста.

– Внесите их сами. – Я был непреклонен. – Она может никогда больше не прийти сюда, но если придет и спросит, что мы сделали с деньгами Пита, у меня не повернется язык сказать ей, что мы отдали их в Красный Крест, а врать я не хочу.

Он отодвинул деньги на другой конец стола, в мою сторону.

– Ты привел мальчика в дом!

– Это ваш дом, и вы угощали его печеньем.

Мои слова остались без ответа. Вулф взял очередную книжку, раскрыл на прерванном месте, устроил поудобнее свою тушу весом в одну седьмую тонны в кресле и погрузился в чтение.

Я сел за свой стол, делая вид, что просматриваю вчерашние отчеты Сола, Фреда и Орри, а сам пока оценивал ситуацию. Поразмыслив, я раскрыл пишущую машинку, заложил бумагу и начал печатать. Первый вариант имел кое-какие недостатки, я выправил их и снова перепечатал. На этот раз мне показалось, что все в порядке. Я обернулся к Вулфу:

– У меня есть предложение.

Он дочитал до абзаца, который оказался довольно длинным, и только потом устремил на меня свой взор:

– Ну?

– Мы связаны деньгами Пита и должны что-то с ними сделать. Помните, вы сказали ему: не так важно получить гонорар, как важно чувствовать, что он получен не даром. Надеюсь, вы почувствуете, что действительно заслужили этот гонорар, потратив его целиком и полностью на оплату объявления в газете, которое звучит примерно так: «Женщину с серьгами в виде пауков и царапиной на щеке, которая во вторник на углу Тридцать пятой улицы и Девятой авеню, находясь в машине, просила мальчика позвать полицию, просят связаться с Ниро Вулфом. Адрес в телефонной книге». – Я протянул бумагу ему. – Плата за объявление в «Таймс» может превысить ваш гонорар, но я готов добавить доллар-другой из своего жалованья. По-моему, задумка блестящая. Мы потратим деньги Пита на него самого, Кремер и Стеббинс будут посрамлены. А так как нет ни единого шанса из миллиона, что на это объявление кто-нибудь откликнется, то вы можете не опасаться, что вам придется потрудиться. Да и совсем не так плохо, если ваше имя лишний раз мелькнет в газете. Что скажете?

Вулф взял бумагу и проглядел текст, задрал нос кверху.

– Ладно, – сварливо буркнул он. – Пусть это послужит тебе уроком.

Глава 3

Сына фабриканта скобяных изделий наконец обнаружили, заарканили и доставили в родительское гнездышко на следующий день, в четверг. Поскольку операция проводилась втихомолку – по ряду причин, о которых я предпочту пока умолчать, – деталей от меня не ждите. Но кое-что я все-таки выскажу. Если Вулф и в самом деле считает, что заработал сумму, которую выставил в счете для оплаты сей важной птице, то, пожалуй, еще ничье это не подвергалось более суровому испытанию.

Словом, четверг получился довольно суматошным, и времени подумать над тем, жил бы еще Пит, возмись мы за его дело хоть чуть-чуть по-иному, не оставалось. В сыскном деле прецедентов для подобных раздумий хоть пруд пруди, и хотя положительных эмоций от них не прибавляется, поразмыслить время от времени на эту тему невречно.

Когда я в среду относил объявление, было уже слишком поздно, так что в четверг его не опубликовали. А вот в пятницу утром я даже пару раз ухмыльнулся про себя. Спустившись в кухню и поприветствовав Фрица, я первым делом развернул «Таймс» и пробежал глазами раздел объявлений. Увидев среди них наше, я не смог сдержать ухмылки. По большому счету ничего обидного или личного она не значила. Просто наши шансы получить какой-то отклик на объявление были, пожалуй, даже ниже чем один на миллион, как я прикинул впопыхах. Второй раз я усмехнулся, когда поглощал кукурузные маффины с колбасой, а Фриц точно по расписанию понес завтрак Вулфу. В это время зазвонил телефон, и я так рванул к аппарату, что чуть не опрокинул стул. Но звонили вовсе не по объявлению. Какой-то субъект с Лонг-Айленда интересовался, не продадим ли мы ему три цветущих экземпляра *Vanda caerulea*. Я ответил, что мы не торгуем орхидеями, и, не удержавшись, присовокупил, что ванда никогда не цветет в мае.

И все же о деле Пита нам напомнили еще до полудня. Вулф только что спустился из оранжереи в кабинет, уселся за стол и принялся просматривать утреннюю почту, когда в дверь позвонили. Я вышел в прихожую и, увидев сквозь одностороннюю стеклянную панель посетителя, не стал тратить времени и спрашивать, кто ему нужен. Этот визитер всегда хотел видеть только Вулфа, и его приход в одиннадцать часов утра, и ни минутой раньше, подтверждал это правило.

– Инспектор Кремер, – доложил я Вулфу.

Вулф сердито зыркнул глазом:

– Что ему надо?

– Спросить?

– Да. Хотя нет. Пусть войдет.

Я открыл дверь. По тому, как инспектор пробурчал слова приветствия, если только это можно было назвать приветствием, и по выражению его лица было ясно, что он явился не для того, чтобы вручить Вулфу почетную медаль. Багровое крупное лицо Кремера и кряжистая фигура никогда не излучали дружелюбия, но у него случались скачки настроения в ту или иную сторону, однако в этот день скачок был явно не в нашу пользу. Он первым вошел в кабинет и одарил Вулфа таким же приветствием, как и меня, затем плюхнулся в красное кожаное кресло и уставился на Вулфа. Вулф тоже смотрел на него. Некоторое время они молча поедали друг друга глазами.

– Зачем вы поместили объявление в «Таймс»? – требовательным тоном начал Кремер.

Вулф отвернулся и принялся копаться в небольшой стопке писем, только что извлеченных из конвертов.

– Арчи, – сказал он, – письмо от мистера Джордана смехотворно. Он прекрасно знает, что я не использую брассаволы для тройного скрещивания. Хотя он и не заслуживает ответа, но он его получит. Приготовь блокнот. Пиши. Уважаемый мистер Джордан, как я понимаю, вас постигла неудача с...

– Прекратите! – взорвался Кремер. – Согласен, помещать объявления в газете не возбраняется, но я спросил вас вполне вежливым тоном...

– Вежливым? – отозвался Вулф.

– Ну хорошо, пусть вы правы. Вы понимаете, что я хочу узнать. Как бы вы хотели, чтобы я спросил?

– Сперва я должен услышать, зачем вам это нужно.

– Я убежден, что вы скрываете что-то или кого-то, кто связан с убийством. Такое с вами уже случилось. Из вашего вчерашнего рассказа Стеббинсу явствует, что смерть того мальчугана вас никак не касается и что клиента у вас нет. Но ради такого случая вы не потратили бы ломаного гроша и, безусловно, не взялись бы за расследование, для проведения которого нужно расходовать вашу драгоценную энергию. Я мог бы спросить напрямик: кто ваш клиент? Но я этого не сделал, меня интересует только одно: зачем вы поместили объявление в газете? Пусть, по-вашему, я задал этот вопрос не вполне вежливо, но ответьте на него.

Вулф глубоко вдохнул и выдохнул:

– Арчи, ответь ему.

Я повиновался. Мой рассказ занял не много времени. Кремер уже знал все со слов Пэрли, и мне оставалось лишь объяснить, как мы решили истратить деньги Пита, к которым я добавил 1 доллар 85 центов из собственного кармана. Кремер впился в меня взглядом. Мне частенько приходилось выдерживать этот взгляд, когда я юлил и изворачивался, а потому сейчас, когда я излагал чистую правду, он меня отнюдь не тревожил.

Задав несколько вопросов и получив на них ответы, Кремер перевел взор на Вулфа и спросил:

– Вы когда-нибудь видели человека по имени Мэттью Бёрч или слышали о нем?

– Да, – коротко отозвался Вулф.

– Ах вот как! – На долю секунды в серых глазах Кремера сверкнуло торжество, и не знай я его так хорошо, то даже не успел

бы этого заметить. – Постараюсь на этот раз быть вежливым. Не будете ли вы любезны сказать, когда и где вы встречались с ним?

– Никогда и нигде. Позавчера, в среду, я прочел это имя в «Газетт». Как вам известно, я никогда не покидаю дом по делам и весьма редко оставляю его по каким-либо иным причинам, поэтому всецело завишу от газет и радио, которые информируют меня о делах и заботах моих соотечественников. В газете сообщалось, что труп человека по имени Мэттью Бёрч был обнаружен поздно ночью во вторник или, вернее, в среду, часов около трех, неподалеку от причала на Саут-стрит. Предполагается, что он был сбит машиной.

– Точно. Попытаюсь сформулировать вопрос поконкретнее. До сообщения о его смерти встречали вы Мэттью Бёрча или слышали что-нибудь о нем?

– Не под этим именем.

– Черт возьми, под каким же?!

– Это мне неизвестно.

– Есть у вас какие-либо основания предполагать или подозревать, что покойный являлся кем-то, кого вы видели или о ком слышали в связи с чем-либо?

– Вот это другое дело, – одобрительно ответил Вулф. – Так надо было спрашивать сразу. Ответ один – нет. Позвольте мне задать вам вопрос. Есть у вас какие-либо причины предполагать или подозревать, что ответ мог быть «да»?

Кремер промолчал. Он наклонил голову, коснувшись подбородком узла галстука, сжал губы, окинул меня пристальным взглядом, затем обернулся к Вулфу:

– Вот почему я пришел к вам. То, что мальчуган просил свою мать передать вам, и то, как машина совершила на него наезд и затем скрылась, подтверждает, что это не просто несчастный случай... Теперь же возникли новые осложнения, и когда я сталкиваюсь с ними, а вы имеете к ним хотя бы отдаленное касательство, то всегда хочу точно знать, как и почему вы затесались в эту историю и как можно от вас избавиться.

– Я спросил вас о причинах, а не о вашей предубежденности.

– Никакой предубежденности. Есть только осложнения. Машину, сбившую мальчугана, обнаружили вчера утром на Сто восемьдесят шестой улице с тем же самым номерным знаком, украденным в Коннектикуте. Эксперты возились с ней целый день. Они установили, что именно эта машина сбила парнишку. Но это еще не все. На днище машины они обнаружили лоскут материи из куртки Мэттью Бёрча. Лаборатория ищет дальнейших доказательств, что именно эта машина сбила Бёрча, но я не осел и не нуждаюсь в других доказательствах. А вы?

Вулф был удивительно терпелив сегодня.

– Для рабочей гипотезы, если бы я вел это дело, – нет.

– В том-то и суть, что вы ведете его! Вы же поместили объявление в газете!

Вулф медленно качнул головой из стороны в сторону.

– Признаюсь, – уступил он, – что я могу допустить вздорные действия, что бывали случаи, когда я дурачил или задабривал вас, но вы знаете, что я решительный противник заведомой лжи. Заявляю вам, что те факты, которые мы вам сообщили по данному поводу, абсолютно достоверны, что у меня нет клиента, связанного с этим делом, и что я не занимаюсь им и не стремлюсь им заниматься. Я, конечно, согласен...

Его перебил телефонный звонок. Я снял трубку своего аппарата:

– Кабинет Ниро Вулфа. Арчи Гудвин слушает.

– Будьте любезны, можно мне поговорить с мистером Вулфом? – Голос был низкий, взволнованный.

– Сейчас справлюсь. Ваше имя?

– Мистер Вулф меня не знает. Я хочу повидать его. Это в связи с объявлением в «Таймс». Я хочу договориться о времени, когда он меня примет.

Для Кремера я делал вид, что это обычный разговор.

– Я ведаю его делами. Ваше имя?

– Я бы предпочла... При встрече... Можно прийти в двенадцать?

– Не вешайте трубку. – Для отвода глаз я сверился с календарем на будущую неделю. – Да, можно, только не опаздывайте. Вы знаете адрес?

Она ответила утвердительно. Я повесил трубку и обернулся к шефу:

– Какой-то тип желает посмотреть ваши орхидеи. Я сам проведу его в оранжерею, как обычно.

Вулф кивнул и возобновил разговор с Кремером:

– То, что мальчика и Мэттью Бёрча сбила одна и та же машина, конечно, является заслуживающим внимания осложнением, но на самом деле это упрощает вашу задачу. Даже если номерной знак не может оказаться вам полезным, вы, бесспорно, сумеете выяснить происхождение этой машины.

– У меня никогда не было впечатления, что вы отъявленный лжец, – холодно заявил Кремер, вставая. – Прежде я никогда не замечал этого за вами. Нет, – повторил он, – прежде никогда не замечал.

С этими словами он вышел.

Я проследовал за ним в прихожую, чтобы запереть дверь, а затем вернулся к своему столу.

– Письмо мистеру Джордану, – распорядился Вулф.

– Слушаюсь. – Я взял блокнот. – Но сперва повторю про один шанс из миллиона за то, что кто-нибудь откликнется на наше объявление. Этот шанс выпал. Какая-то женщина звонила по поводу объявления. Она не назвалась, и я не хотел настаивать в присутствии нашего гостя. Она придет в полдень.

– К кому?

– К вам.

Он сжал губы.

– Арчи, это невыносимо!

– Чертовски хорошо вас понимаю. Но, учитывая, что Кремер вел себя корректно, может быть, имеет смысл поболтать с ней немного перед тем, как позвонить Кремеру, чтобы он приехал и забрал ее. –

Я взглянул на настенные часы. – Она явится через двадцать минут...
Если вообще явится...

Вулф что-то пробурчал себе под нос.

– Уважаемый мистер Джордан... – принялся он за диктовку.

Глава 4

Она явилась и куда больше украсила красное кожаное кресло, чем инспектор Кремер и даже сотни других, которые сидели в нем прежде. Ее портило только то, что она была слишком возбуждена. Когда я распахнул перед ней дверь и пригласил войти, мне показалось, что она вот-вот повернется и удерет: такое желание явно владело ею, но она заставила себя перешагнуть через порог и позволила проводить ее в кабинет.

Царапина на левой щеке была едва различима под косметикой, и вовсе не удивительно, что Пит, глядя на нее в упор, обратил больше внимания на серьги в виде пауков. Я согласился с ним, что они были золотые и гораздо приметнее, чем царапина. Посетительница была приблизительно моих лет, что, конечно, не идеал, но я ничего не имею против женщин зрелого возраста.

Вулф не слишком сварливо спросил ее, чем он может быть полезен. Она открыла сумочку и вынула два листка бумаги. Сумочка была из мягкой зеленой замши, так же как и жакет поверх темно-зеленого шерстяного платья, и зеленый маленький берет, кокетливо сдвинутый набекрень. Так называемый ансамбль, если я не ошибаюсь по неопытности.

– Это вырезка из газеты с вашим объявлением, – сказала она и положила листок обратно в сумочку. – А это чек на пятьсот долларов.

– Можно взглянуть?

– Я не... Пока нет. На нем моя подпись.

– Догадываюсь.

– Я хочу спросить вас... спросить кое о чем, прежде чем сообщу вам свою фамилию.

– Что именно?

– Относительно мальчика... Мальчика, которого я просила позвать полицию. – Голос у нее был приятный; готов признать, что мне бы он мог понравиться, не будь он таким нервным. – Я хочу его видеть.

Можете ли вы помочь мне встретиться с ним? Или дать его адрес. Надеюсь, пятисот долларов достаточно за такую услугу. Я знаю, что вы берете высокие гонорары. И еще я хочу... Но нет, сперва ответьте.

Вулф, когда не закрывал глаза, как правило, всегда смотрел прямо в лицо собеседника, но на этот раз я был удивлен тем особенно пристальным вниманием, с которым он разглядывал посетительницу. Он обернулся ко мне:

– Арчи, пожалуйста, рассмотри внимательно царапину на ее лице.

Я послушно поднялся с места. У нее был выбор: либо спокойно сидеть и позволить мне осмотреть ее щеку, либо закрыть лицо руками, либо встать и уйти, но пока она решала, как ей поступить, я уже был рядом, наклонился над ней, приблизив лицо к ее щеке.

Она начала что-то говорить, но я выпрямился и доложил Вулфу:

– Расцарапано каким-то острым предметом, может быть иглой или кончиком маникюрных ножниц.

– Когда?

– Сегодня, а может быть, и вчера. Но безусловно, не три дня назад.

Я оставался возле ее кресла.

– Это наглость! – выпалила она, вскакивая с места. – Я рада, что не назвала вам своего имени!

Она не могла уйти, минуя меня.

– Вздор! – отрезал Вулф. – Вы не обманете меня этой царапиной. Опишите мальчика. Опишите, кто еще был в машине. В котором часу это случилось? Мистер Гудвин возьмет вашу сумочку, если потребуется, применив силу, и просмотрит ее содержимое. Если вы будете жаловаться, то нас двое, а вы одна. Садитесь!

– Это подло!

– Нет. Это вполне оправданная реакция на вашу попытку обмануть нас. Вы вольны в ваших действиях, но, если хотите уйти, вам придется назвать свою фамилию. Садитесь, и мы все обсудим. Итак, сначала назовите себя.

Должно быть, она была сверхоптимисткой, если думала, что сможет обмануть Ниро Вулфа, но была не душой. Все признаки нервозности оставили ее, она стояла, оценивая создавшееся положение, потом пришла к определенному решению, открыла сумочку, достала карточку и протянула Вулфу:

– Мои водительские права.

Он посмотрел удостоверение и вернул ей. Она села.

– Мое имя Лаура Фромм, – сказала она. – Миссис Деймон Фромм. Я вдова. Мой адрес: Восточная Шестьдесят восьмая улица, дом семьсот сорок три. Во вторник, ведя машину по Тридцать пятой улице, я попросила мальчика позвать полицейского. Прочтя ваше объявление, я решила, что вы можете дать мне адрес мальчика. Я готова заплатить вам за это.

– Следовательно, вы не хотите признать, что обманываете меня?

– Я не обманываю.

– В какое время дня это произошло?

– Не важно.

– Что делал мальчик, когда вы обратились к нему?

– И это не важно.

– Как далеко от вас был мальчик, когда вы заговорили с ним, и как громко вы ему крикнули?

– Я не отвечу ни на один из вопросов. Я не обязана отчитываться перед вами.

– Но вы утверждаете, что вели машину и просили мальчика позвать полицейского?

– Да.

– Тогда мне жаль вас. Вам придется дать показания в полиции по поводу убийства. В среду машина наехала на мальчика и убила. Умышленно.

– Что?! – вытаращила она глаза.

– Та самая машина, которую вы вели во вторник, когда мальчик заговорил с вами.

Она раскрыла было рот и тут же закрыла.

– Не верю, – наконец после длительной паузы произнесла она.

– Поверите. В полиции вам растолкуют, каким образом стало известно, что это была та же машина. Тут не может быть никаких сомнений, миссис Фромм.

– Вы все выдумали... Это... это просто низость...

Вулф шевельнул головой:

– Арчи, достань вчерашний выпуск «Таймс».

Я направился к полке, на которой мы складываем газеты и сохраняем их в течение недели. Развернув «Таймс» на восьмой полосе, я протянул газету Лауре Фромм. Рука женщины заметно дрожала, и, чтобы унять дрожь, миссис Фромм взяла газету двумя руками.

Читала вдова долго. Когда она подняла глаза, Вулф сказал:

– Там не говорится, что именно Пит Дроссос был тем мальчиком, к которому вы обратились во вторник, но можете поверить моему слову. Полиция вам это подтвердит.

Она перевела взор с Вулфа на меня, обратно на Вулфа и затем обратилась ко мне:

– Я хочу... Можно мне попросить немного джина?

Она выпустила газету из рук, и та скользнула на пол. Я подобрал газету и спросил:

– Чистого?

– Да, пожалуйста.

Я отправился на кухню за джином и льдом. Пока готовил напиток, я подумал, что если она рассчитывает найти с Вулфом общий язык, то ей не следовало просить джин, так как, по его представлениям, джин пьют только варвары. Возможно, именно поэтому, когда я принес поднос и поставил на столик возле нее, Вулф откинулся назад с закрытыми глазами. Она сделала большой глоток, затем несколько мелких и снова большой, потом опустила глаза, о чем-то размышляя.

Наконец, опустошив стакан, она заговорила:

– За рулем машины, когда она сбила мальчика, сидел мужчина...

Вулф открыл глаза:

– Арчи, убери поднос!

Запах джина был ему омерзителен. Я отнес гнусный предмет на кухню и вернулся.

– ...хотя это не имеет решающего значения, – говорил Вулф, – но, переодевшись в мужское платье, вы вполне могли бы сойти за мужчину. Я не утверждаю, что это вы задавили мальчика. Но если вас привело сюда мое объявление и вы пришли, разукрашенная этими серьгами и фальшивой царапиной, то, значит, вы замешаны в этом деле, и если вы все еще утверждаете, что во вторник за рулем были вы, то вы просто не очень умная особа.

– Вела машину не я.

– Вот так-то лучше. Где вы были во вторник между половиной седьмого и семью часами вечера?

– На совещании исполнительного комитета Ассоциации помощи перемещенным лицам. Собрание закончилось в восьмом часу. Мой покойный муж посвятил себя этому делу, и я его продолжаю.

– Где вы были в среду от половины седьмого до семи часов вечера?

– Какое это имеет отно... Ах вот оно что... Этот мальчик... Да, ведь это случилось позавчера... – Она помолчала, припоминая. – Я была на коктейле в отеле «Черчилль» с приятелем.

– Имя вашего приятеля, пожалуйста.

– Это возмутительно!

– Знаю. Почти так же возмутительно, как эта царапина на вашей щеке.

– Его зовут Деннис Хоран. Он адвокат.

Вулф кивнул:

– Даже в этом случае вас ждет несколько неприятных часов. Сомневаюсь, чтобы вы были причастны к убийству. У меня есть некоторый опыт в физиогномике, и я не думаю, что ваше удивление при известии о гибели мальчика было притворным, но советую вам привести в порядок свои мысли. Вам это будет необходимо. Не для

меня. Я не спрашиваю, зачем вы прибегли к маскараду. Это меня не касается, но полиция обязательно станет допытываться. Не буду задерживать вас здесь и вызывать полицию. Вы можете уйти. Полиция сама даст о себе знать.

Глаза у нее заблестели, плечи расправились. Джин действует очень быстро.

– Мне вовсе не нужно, чтобы полиция давала знать о себе, – твердо произнесла она. – Зачем она мне?

– Полицейские захотят узнать причину вашего визита.

– А почему вы должны сообщать в полицию о моем визите?

– Потому что я скрываю информацию, относящуюся к преступлению, только когда это в моих интересах.

– Но я не совершала никакого преступления!

– Именно это полиция и будет просить вас доказать.

Она посмотрела на меня. Хотя я и не силен в физиогномике, как Ниро Вулф, но и у меня имеется кое-какой опыт на этот счет, и клянусь, что она оценивала возможность привлечения меня на свою сторону. Я пытался облегчить ей эту задачу, стараясь казаться мужественным, непоколебимым, добродетельным, но не враждебно настроенным к ней. Однако по ее лицу я тут же понял, что она отказалась от своего намерения. Лишив меня всякой надежды, она открыла зеленую замшевую сумочку, вынула чековую книжку и авторучку и выписала чек, затем приподнялась с кресла и положила чек на стол перед Вулфом:

– Вот чек на десять тысяч долларов. Это аванс.

– За что?

– О, я не пытаюсь подкупить вас. – Она улыбнулась; в первый раз за все время. – Похоже, мне понадобится совет эксперта, а может быть, даже и его помощь, а так как вы уже в курсе дела, я не хотела бы консультироваться со своим адвокатом, по крайней мере пока.

– Вздор! Вы предлагаете мне деньги за то, чтобы я не сообщал полиции о вашем визите.

– Нет! – Ее глаза сверкнули. – Хотя ладно, пусть так, это не предосудительно. Я миссис Деймон Фромм. Мой муж оставил мне большое состояние. У меня есть положение в обществе и много обязанностей. Если вы сообщите в полицию, я сумею повидать комиссара и не думаю, что он плохо отнесется ко мне. Однако я бы предпочла избежать этого. Если вы навестите меня дома завтра в полдень, я...

– Я никуда не хожу.

– О да, я и забыла. – Она нахмурилась, но только на одно мгновение. – Тогда я приеду сюда.

– Завтра в полдень.

– Нет, лучше в одиннадцать тридцать. В час дня у меня деловое свидание. До того времени никому не сообщайте о моем сегодняшнем визите. Я хочу... я должна кое-кого повидать и кое-что выяснить. Завтра я вам все расскажу. Или нет, так будет вернее: если завтра я не расскажу вам всего, можете обратиться в полицию. А если расскажу, то, возможно, мне потребуется ваш совет или даже помощь.

Вулф хмыкнул и посмотрел на меня:

– Арчи, она действительно миссис Деймон Фромм?

– Я бы сказал, да, но голову на отсечение не дам.

Он обернулся к посетительнице:

– Один раз вы уже пытались обмануть меня и вынуждены были отказаться от этой попытки только под моим давлением. Может быть, вы вторично пытаетесь одурачить меня? Мистер Гудвин отправится сейчас в редакцию «Газетт», ознакомится там с фотографиями миссис Деймон Фромм и позвонит мне. Это займет не более получаса. На это время вы останетесь здесь.

Она вновь улыбнулась:

– Какая нелепость!

– Без сомнения. Но в данных обстоятельствах не лишняя смысла. Вы отказываетесь?

– Конечно нет. Я это заслужила.

– Значит, вы не протестуете против того, чтобы оставаться здесь, пока мистер Гудвин съездит в редакцию?

– Нет.

– Тогда это лишняя трата времени. Вы действительно миссис Фромм. Прежде чем вы уйдете, нам нужно кое о чем договориться, и я хочу задать вам один вопрос. Но сначала замечу: о решении принять ваш аванс и работать на вас я сообщу вам завтра, до тех пор вы не являетесь моим клиентом. Теперь вопрос: знаете ли вы, кто была та женщина, которая управляла автомобилем во вторник и заговорила с мальчиком?

Она покачала головой:

– То, что вы примете решение завтра, меня устраивает, но до того времени вы обещаете никому не сообщать о нашей встрече?

– Это договорено. Теперь как с моим вопросом?

– Я не могу ответить на него, я не знаю. На самом деле не знаю. Надеюсь, что сумею ответить вам завтра.

– Вы имеете кого-нибудь на примете? – настаивал Вулф.

– Воздержусь от ответа.

– Миссис Фромм, – нахмурился Вулф, – должен предупредить вас. Слышали вы когда-нибудь или видели когда-нибудь человека по имени Мэттью Бёрч?

Теперь нахмурилась она:

– Бёрч? Нет. А почему вас это интересует?

– Этот человек был сбит машиной во вторник вечером. Той же самой машиной, которая сбила Пита Дроссоса. Предостерегаю вас: не ведите себя безрассудно или опрометчиво. Вы мне почти ничего не рассказали, поэтому я не могу знать, какую судьбу вы себе уготовили, но предостерегаю вас: будьте осторожны!

– Та же самая машина? Во вторник?

– Да. Именно поэтому будьте осторожны.

– Я всегда веду себя осторожно, мистер Вулф.

– Только не сегодня, с этой нелепой мистификацией.

– О, вы ошибаетесь! Я была осторожна или пыталась... – Она сунула чековую книжку в сумочку и поднялась. – Благодарю вас за джин, но лучше бы я не просила его. Не следовало мне пить. – Она протянула ему руку.

Обычно Вулф не поднимается с места, здороваясь или прощаясь с женщиной. На этот раз он встал, что, впрочем, не являлось особым знаком внимания к Лауре Фромм или чеку, который она оставила на столе. Просто-напросто наступило время ланча, и Вулфу все равно пришлось бы потревожить свою тушу минуту спустя. Поэтому он встал и пожал даме руку. Конечно, поднялся и я, чтобы проводить нашу посетительницу до двери, и подумал, что это было чертовски любезно с ее стороны – протянуть мне руку после того, как я отверг ее призывный взгляд.

Я едва не налетел на нее, когда она вдруг остановилась, чтобы сказать Вулфу:

– Я забыла спросить... Этот мальчик, Пит Дроссос, был перемещенным лицом?

Вулф ответил, что не знает.

– Не можете ли вы это выяснить и завтра сказать мне?

Он ответил, что сможет.

У крыльца ее не ждала никакая машина. Очевидно, проблема парковки в городе оказала влияние даже на миссис Деймон Фромм и вынудила ее пользоваться такси. Когда я вернулся в кабинет, Вулфа там уже не было. Я нашел его на кухне. Он поднимал крышку кастрюли, в которой тушились котлеты из ягнатины с ломтиками ветчины и помидорами. Аромат был потрясающий.

– Признаю, – великодушно изрек я, – у вас чрезвычайно хороший глаз. Но конечно, вы настолько высоко цените женскую красоту, что вознегодовали из-за оскверняющей эту красоту царапины и только поэтому обратили на нее свое внимание.

Он проигнорировал мои слова.

– Ты пойдешь после ланча в банк, чтобы депонировать чек мистера Корлисса?

– Вы же знаете, что пойду.

– Зайди также в банк миссис Фромм и учти ее чек. Это подтвердит ее подпись... Фриц, сегодняшнее блюдо тебе удалось даже лучше, чем в прошлый раз. Вполне приемлемо.

Глава 5

На следующий день, в субботу, уже к полудню, я собрал обширную информацию, касающуюся нашей возможной клиентки. Скажу лишь, что пять минут, проведенных благодаря содействию моего друга Лона Козна в справочном отделе редакции «Газетт», позволили мне установить, что она и впрямь является миссис Деймон Фромм и стоит от пяти до двадцати миллионов долларов. Я не вдавался дальше в ее кредитоспособность, так как вряд ли мы потребовали бы от нее гонорар, превышающий ее состояние. Муж миссис Фромм, вдвое старше ее, умер два года назад, оставив ей все свое состояние. Детей у них не было. Урожденная Лаура Атертон, из семьи уважаемых филаделфийских граждан, она прожила с мужем семь лет до самой его смерти.

Фромм унаследовал небольшую сумму, но сумел значительно увеличить ее, подвизаясь главным образом в химической промышленности. На пожертвования мистера Фромма в различные благотворительные учреждения кормилось много разных председателей, председательниц, ответственных секретарей и прочих деятелей, которые после его смерти проявляли глубокий и вполне понятный интерес к его завещанию, но, за исключением немногочисленных и весьма скромных отчислений, весь капитал отошел его вдове. Однако, исполняя завет мужа, она поддерживала различные филантропические организации и посвящала много времени и энергии их деятельности, уделяя особое внимание любимому детищу покойного – АСПОПЕЛ, как сокращенно именовали Ассоциацию помощи перемещенным лицам люди, испытывающие затруднение с дыханием или просто экономящие время.

Без четверти двенадцать в субботу Вулф сидел за своим столом в кабинете, а я стоял возле него, проверял вместе с ним список расходов по последнему проведенному нами делу. Вулфу

померещилось, что он обнаружил в отчете ошибку на двадцать долларов, и мне предстояло доказать, что он не прав. Но тут Вулфу повезло. Двадцать долларов, которые я отнес за счет расходов Орри Кэтера, следовало выплатить Солу Пензеру, и хотя это никак не влияло на общий итог, но было поставлено мне в минус. Повторяю, это никак не отразилось на общем итоге, так что мы были квиты с шефом. Забрав со стола отчет и подойдя к шкафу с картотекой, я взглянул на часы. Без одной минуты двенадцать.

– Двадцать девять минут после одиннадцати тридцати, – известил я. – Позвонить ей?

Он пробурчал «нет», и я направился к сейфу за чековой книжкой, чтобы проверить некоторые расходы по дому, пока Вулф крутил верньер радиоприемника, желая прослушать двенадцатичасовые новости. Проверяя корешки чеков, я краешком уха слушал.

Предстоящая Бермудская конференция руководителей Соединенных Штатов, Великобритании и Франции, которая была прервана из-за отставки премьера Майера, вероятно, будет продолжена. По имеющимся сведениям, преемник Майера будет введен в должность в ближайшее время и займет место за столом переговоров...

Тело миссис Деймон Фромм, богатой нью-йоркской филантропки и общественной деятельницы, было обнаружено сегодня ранним утром в Ист-Сайде между опорными столбами строящейся эстакады. Согласно сообщению полиции, она сбита машиной. Подозревается, что это не было несчастным случаем...

Около миллиона жителей Нью-Йорка провели вчера внушительную демонстрацию...

Вулф не выключил радио. Насколько я мог судить по его лицу, он продолжал слушать. Но когда пятиминутная передача новостей закончилась, вид у него был угрюмый. Даже после того, как он выключил приемник, это выражение так и оставалось на его лице.

– Ну и дела... – тихо произнес я.

То, что мы услышали, могло вызвать дюжину комментариев, но ни один из них не мог бы теперь помочь. Да и угрюмость Вулфа не вызвала охоты комментировать происшедшее. Спустя некоторое время он положил ладони на подлокотники кресла и принялся медленно двигать ими назад и вперед по жесткой обивке. Так продолжалось некоторое время, затем он сложил руки на груди и выпрямился в кресле:

– Арчи!

– Да, сэр.

– Сколько времени тебе нужно, чтобы напечатать на машинке краткий отчет о нашей беседе с миссис Фромм? Не дословно. Только самую суть, как если бы ты докладывал мне...

– Вы могли бы диктовать.

– Я не настроен диктовать.

– Оставить что-нибудь?

– Включай только то, что важно. Не упоминай о моих словах, что одна и та же машина сбила Пита Дроссоса и Мэттью Бёрча. Об этом официальных сообщений не было.

– Двадцать минут.

– Отпечатай в форме заявления за моей и твоей подписями. В двух экземплярах. Датируй полуднем сегодняшнего дня. Оригинал немедленно доставь мистеру Кремеру.

– Тогда полчаса. Заявление за двумя нашими подписями я должен составить более тщательно.

– Ладно.

У меня ушло на пять минут больше. Заявление заняло три машинописные страницы, и Вулф просматривал каждую из них, как только я вынимал ее из каретки. Он не внес в текст никаких поправок, никаких замечаний, что являлось более существенным доказательством его подавленного настроения, чем отказ продиктовать мне заявление. Мы оба подписали бумагу, и я запечатал первый экземпляр в конверт.

– Кремера на месте не будет, – заявил я. – Так же как и Стеббинса. Они, конечно, заняты расследованием.

Он ответил, что пакет можно оставить для передачи кому угодно, и я отправился.

Я не раз бывал в Десятом участке на Западной Двадцатой улице, где помещается уголовная полиция Западного Манхэттена, но в тот день не встретил там ни одного знакомого лица, пока не поднялся по лестнице на второй этаж и не подошел к столу дежурного, с которым у меня было лишь шапочное знакомство. Я оказался прав – ни Кремера, ни Стеббинса. В отделе был только лейтенант Роуклифф; дежурный позвонил и сказал, что я желаю его видеть.

Будь нас двадцать человек, и в их числе Роуклифф, которые голодали бы на необитаемом острове и проводили жеребьевку, кого зарезать на жаркое, я бы не голосовал за Роуклиффа, зная, что из отвращения к нему не смог бы проглотить ни кусочка. Его отношение ко мне было не лучше. Поэтому я ничуть не удивился, что он не пригласил меня к себе, а собственной персоной выплыл из двери и прошипел:

– Что нужно?

Я вынул из кармана конверт:

– Поверьте, это не письменное заявление с просьбой зачислить меня в штат полиции, и поэтому не рассчитывайте, что я буду служить под вашим командованием.

– О боже, если бы дожить до этого!

– Это также не письменная благодарность...

Он выхватил конверт у меня из рук, распечатал, бросил взгляд на то, кому адресовано заявление, посмотрел третью страничку – на наши подписи:

– Так-так... Не сомневаюсь – шедевр. Требуется расписка в получении?

– Не обязательно. Если хотите, я могу зачитать вам вслух весь текст...

– Единственное, чего я хочу, – это увидеть в дверях твою спину!

Не дожидаясь желаемого, он развернулся и ушел. Я обратился к дежурному:

– Пожалуйста, запишите, что я отдал пакет этому бабуину в тринадцать часов шесть минут по летнему времени. – И с этими словами вышел.

Вулф уже сидел за ланчем, и я включился в операцию «Омлет с анчоусами». Он не позволяет разговаривать за столом о делах. Нечего и думать прерывать его пищеварение, поэтому лишним доказательством его состояния явилось то, что во время дегустации корзиночек, начиненных свежими фидами и вишней, он позволил себе прервать процесс принятия пищи: раздался телефонный звонок.

Вернувшись из кабинета, я доложил:

– Звонит некто по имени Деннис Хоран. Может быть, вы помните...

– Да. Чего он хочет?

– Вас.

– Мы позвоним ему через десять минут.

– Он куда-то уходит, и его не будет на месте.

Это не вызвало привычной вспышки гнева. Не мешкая Вулф отправился в кабинет. Пока он дошел до телефона, я уже поднял отводную трубку за своим столом. Наконец Вулф уселся.

– Ниро Вулф слушает.

– Говорит Деннис Хоран, адвокат. Произошла ужасная трагедия. Миссис Деймон Фромм нет в живых. Она попала под машину.

– Не может быть! Когда?

– Тело обнаружено сегодня в пять часов утра. – Писклявый тенор Хорана, казалось, вот-вот сорвется на визг, но, возможно, это было из-за шока, вызванного случившимся. – Я был ее другом, вел некоторые ее дела и звоню вам по поводу чека на десять тысяч долларов, который она выписала вам вчера. Вы депонировали его?

– Нет.

– Вот и отлично. Так как миссис Фромм нет в живых, то чек, конечно, не может быть оплачен. Как вам удобнее – переслать его на домашний адрес миссис Фромм или ко мне?

– Ни то ни другое. Я его депонирую.

– Но он не будет принят к оплате! Чеки, подписанные умершими, не...

– Знаю. Но чек уже учтен в банке...

– О... – (Долгая пауза.) – Но так как ее нет в живых и она не может воспользоваться вашими услугами, а вы ей помочь... Этичнее было бы вернуть этот чек.

– Вы не мой наставник в вопросах этики, мистер Хоран.

– Я этого и не утверждаю. Но без всякой враждебности или предубеждения хочу спросить вас: чем можно оправдать, что вы оставляете эти деньги себе?

– Тем, что я заработаю их.

– Вы намереваетесь их заработать?

– Да.

– Но как?

– Это мое дело. Если вы являетесь душеприказчиком миссис Фромм, я готов обсудить с вами этот вопрос, но не по телефону. Я могу принять вас сегодня до четырех часов дня, или от шести до семи, или от девяти до полуночи.

– Не знаю... Боюсь, что не... Я посмотрю...

Он повесил трубку. Мы тоже. В столовой Вулф расправился с корзиночками и кофе в полном молчании. Мы вернулись в кабинет, он устроился в своем кресле, и только тогда я произнес:

– Заработать их было бы хорошо, но главное – почувствовать, что вы их заработали. Я сомневаюсь, что нашего заявления, переданного Кремеру через Роуклиффа, окажется достаточно. Мое эго испытывает зуд.

– Депонируй чек, – пробормотал он.

– Обязательно.

– Нам нужна информация.

– Постараюсь.

– Получи ее у мистера Коэна.

– Относительно чего нам нужна информация?

– Относительно всего. В том числе и о Мэттью Бёрче, но учти: Коэн не должен знать о том, что связывает убийства Пита и Бёрча, если только полиция не сообщит об этом или он не получит эти сведения из других источников. Ничего не рассказывай ему. То, что я занялся этим делом, можно опубликовать, но причина моей заинтересованности не должна быть предана огласке.

– Сказать ему о Пите?

– Нет.

– Он бы весьма оценил это сообщение. Оно могло бы представлять большой интерес для его статьи. А также показать, что ваша репутация...

Вулф стукнул кулаком по столу, что являлось для него высшим проявлением гнева.

– Нет! – прорычал он. – Репутация?! Чтобы я сам наводил людей на мысль о том, что обращение ко мне за помощью грозит смертью?! Во вторник тот мальчик. В пятницу женщина... Я не желаю превращать мой кабинет в преддверие морга!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НИРО ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Золотые
пауки

« И Н О С Т Р А Н К А »

